

**ЗИНАИДА
ГИППИУС**

АЛЫЙ МЕЧ

Зинаида Николаевна Гиппиус

АЛЫЙ меч

Аннотация

«Путешественники – Федор Анатольевич Беляев и друг его, Алексей Иванович Новиков – приехали в Петербург рано утром. Был конец января, дни светлели, морозило не сильно...»

Содержание

I	4
II	8
III	17
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Зинаида Гиппиус

АЛЫЙ меч

I

Дрезден, 17 января 1900

Люся, дорогая моя девочка! До последнего дня боялся написать, но теперь напишу, теперь уже, кажется, верно, – еду в Россию! Алеша со мной, конечно. Голубчик, душа у меня плачет от радости, как подумаю, что скоро тебя увижу, – после двух лет самой бессмысленной разлуки... (прости, ты знаешь, я так именно думаю). И все недоразумения кончатся. Что нам играть в прятки, сестренка! Были между нами недоразумения, были. Разве эти два года – не недоразумение? Разве письма твои ко мне и к Алеше – не недоразумение? Разве то, что я ничего не знаю о тебе, – ни о твоей внутренней, ни даже о твоей внешней жизни – не самое ужасное, нелепое недоразумение? Мы три года жили все вместе за границей, у нас была общая работа, общие мысли, общие надежды; тем драгоценнее это было, что мы все-таки – три разных человека, с различными душами. И ты не могла не знать, как ты нам была нужна, и даже не нам, а этим нашим общим мыслям и надеждам. Милая, когда я смотрю на твою громадную, неоконченную

статую (она в Алешиной мастерской) – я верю, что мог бы создать храм, достойный этого Бога; но тебя нет, и я теряю половину моей силы. Помнишь, – как ты спорила с Алешей? Алеша – живописец, но вы, в сущности, так близки: у него тусклые, странные краски, он весь – в чертах и формах. Художник, скульптор и архитектор, слитые, свитые, как мы были – не есть ли это драгоценный дар небес, соединение, дающее право бытия самым дерзким надеждам? Ты знаешь, как я верю в Алешу; я верил и в себя, и в мое искусство; в тебя? не хочу и повторять... Но вот все оборвалось. С тобой – точно камень вынули из основания нашего дворца.

Я до сих пор не знаю и не понимаю хорошенько, зачем ты уехала, а главное, почему не возвратилась через месяц, как было решено. Ну, уехала ты потому, что муж твой умер, потому что мать мужа заболела и звала тебя. Но с мужем ты разошлась давно, мать его, Вера Васильевна, никогда не была тебе особенно близка. Дела затянулись? Но в месяц-два все-таки можно было их кончить. Вера Васильевна не выздоровела вполне: но разве некому ходить за ней? Она не одна, при ней второй сын и дочь – девушка. Что же случилось? Ты никогда не писала мне определенно, как живешь в Петербурге, над чем работаешь теперь. Только раз, полуслучайно, вскользь, выбрала нас мечтателями, созерцателями, сказала, что мы жизни не знаем, а жизнь проще, суровее и необходимее, чем ты думала. Милая! Ну, конечно, мы мечтатели и не умеем жить, – но разве уже не много то, что мы

это сознали, и даже мечтаниям нашим хотим придать самую реальную форму, воплотить их, – сообразно нашим способностям и силам? Но нельзя отрекаться и от своего первого свойства – созерцания. Знаешь, было бы хорошо, если б была такая молитва: Господи, Ты, Кто владеешь жизнью моей! Дух неверия, самоневерия, раз-деленности, одиночества – не дай мне; дух же созерцания и деяния, разумения, чувствования и тишины – подай мне, человеку Твоему...

Прости, милая, ты не любишь длинных писем (оттого, может, и о себе не писала?), а я совсем с тобой заговорился. И о нашем приезде ничего путем не сказал. Пора, пора домой! Мы оба поняли, что здесь нам больше не для чего оставаться, что надо домой, в Россию, надо там учиться и там работать, ибо все ученье и вся работа, в сущности, были для нее же. Слышала ли ты, что в N предвидятся работы по восстановлению старинного храма? Поеду сначала в Петербург, потом туда, может быть, найдется работа и для меня. Вот необходимая нам школа. Мне писали, что кое-что возможно устроить. Это ведь не сейчас, успеем многое увидеть, освежить, понять. Алеша, конечно, со мною, и ты с нами. Как Алеша, будучи живописцем, близок тебе, скульптору, – так ты, в сущности, близка мне, входишь в меня, в архитектуру. Да, Люся милая, мы тем и можем быть сильны, что мы, в специальном смысле слова, не скульпторы, не архитекторы, не живописцы и даже не художники, не только художники, не помещаемся мы в рамках «чистого» искусства... просто черт нас знает,

что мы такое, а возможно, что и сила.

Ну, жури брата за предеззостные слова! А все-таки верь во всех нас.

Ты меня не баловала. Алеше же и вовсе перестала писать. А ведь он тебя любит... не меньше, чем я, хотя, конечно, и не так, как я. Да что теперь об этом! Скоро, скоро увидимся! Где нам остановиться? Я совсем отвык от Петербурга, ничего не знаю. Не приготовишь ли нам помещения, если тебе не трудно? Еще успеешь написать сюда строчку. О дне и часе прибытия телеграфируем. Позаботься о твоих нежизненных брате и друге и прости их беспомощность. Люся, детка моя, неужели увижу тебя наконец? И верю, и не верю...

Твой Федя.

На это письмо Федор Анатольевич Беляев получил от сестры ответ очень скоро.

СПб.

19 21.ХП-00

Дорогой Федя. Очень рада, что ты и Алексей Иванович приезжаете в Петербург. Комнаты я вам возьму на Владимирской, д. 31, кв. 13. Проезжайте туда прямо. О дне приезда прошу телеграфировать. Длинное письмо твое прочла с большим удовольствием, спасибо, во многом оно меня душевно задело. До скорого свидания. Обнимаю тебя.

Любящая тебя сестра Люся.

II

Путешественники – Федор Анатольевич Беляев и другой, Алексей Иванович Новиков – приехали в Петербург рано утром. Был конец января, дни светлели, морозило не сильно.

– Она не поедет в такую рань на вокзал, Алеша, – говорил Беляев. – Да оно и лучше. Умоемся, отдохнем, позавтракаем – она придет.

На вокзале их, действительно, никто не встретил. Справившись с багажом, друзья сели в санки и поехали на Владимирскую.

– Ничуть не изменилась наша северная столица за эти годы, – с легкой брезгливостью сказал Новиков. – Те же плоские улицы, желтые казармы, грязный снег, да скука...

Беляев взглянул на него строго.

– Нехорошо встречаешь родину, Алеша. Ведь это все равно, если б ты матери сказал после разлуки: «А ты так и не похорошела! Старуха безобразная».

– Ну, прости. Не буду. Воздержусь. Хотя ты, Федя, для меня слишком сентиментален.

Беляев улыбнулся и ничего не ответил. Ему было холодно в заграничном пальто, но весело, и Петербургу он был рад.

Он сбоку поглядывал на своего приятеля, ему хотелось, чтобы и он радовался. Алексей Новиков был довольно кра-

сив. Ему шел уже двадцать девятый год, но в чертах его осталось что-то не то юношеское, не то женственное; зеленоватые глаза он щурил, лицо у него было смуглое, бледное, узкое, черная узкая бородка не кудрявилась. Слишком маленький рот под незакрывавшими его усами складывался иногда в капризную, брезгливую улыбку, но в тонких бровях лежала почти неприятная серьезность. Беляев был старше, полнее, плотнее; золотистая борода – окладистее, взгляд – живее и добрее. В них обоих было что-то останавливающее внимание, особенно когда они были вместе.

– Знаешь, Алеша, я замерз. А ты? Да вот, кажется... стой, здесь, приехали!

– Дом довольно неприятный, – сказал Алеша, выходя. Внутри дом оказался еще неприятнее. Квартира номер тринадцатый была – просто меблированные комнаты, грязноватые. Люся взяла им два номера рядом, одинаковые, маленькие и узкие.

– Что это, правда, за конуры? – заворчал и веселый Беляев. – Уже была ли тут Люся? Положим, мы потом сами поищем, да первое-то впечатление, жалко, будет скверное.

К счастью, нашлись две другие комнаты, почище, на улице, спальня с двумя постелями и довольно просторный, хотя скучный, «салон».

Друзья спросили кофе и принялись устраиваться.

– Мы все-таки здесь не останемся, – говорил Алеша. – Я эту улицу терпеть не могу. Найдем квартирку где-нибудь на

Сергиевской, на Шпалерной... Я жил на Шпалерной.

– Да, пожалуй, придется. Раньше Пасхи, то есть начала апреля, вряд ли выберемся из Петербурга. А не сидеть же сложа руки. Нам и свет небесный нужен.

К завтраку никто не пришел. Рядом, за стеной, пробило два, потом три часа.

– Однако твоя сестрица не очень спешит увидеть нас, – сказал Новиков. – И долго ли нам дожидаться ее в этом под-земелье? Пройтись хоть по улице.

– Как ты дурно сказал, Алеша! Не люблю твоего тона. Просто не получила телеграммы. Подождем до четырех, а потом отправимся к ней. Я потому не хотел идти к ней с самого начала, что она живет не одна, с этой Верой Васильев-ной, Вера же Васильевна больная... До четырех подождем, Алеша...

Как раз в эту минуту дверь отворилась и в комнату вошла, почти вбежала, молодая женщина в черном.

– Не надо ждать до четырех, Федя, потому что я уже при-шла. Заждались? Сердились?

Она весело закинула руки, обняла и поцеловала брата.

– Здравствуйте, Алексей Иванович.

Новиков подошел к ней, и, казалось, оба они одно мгно-венье были в нерешимости, не поцеловаться ли им. Но тот-час же она протянула ему руку, без перчатки, которую он и поцеловал.

– Ну, рада вам, мои милые, – говорила Люся, снимая шля-

пу и усаживаясь. – Батюшки, как Федя потолстел! Алеша все такой же, – прибавила она с ласковой обмолвкой.

– Какие ты нам, однако, палаты приготовила...

– А что? Недоволен? Не все ли равно! То-то я вижу, вы переменили. Давайте чаю спросим, потолкуем. Давно не видались. Отвыкли, я думаю, друг от друга.

Она говорила много в эту первую минуту свиданья, но видно было, что она вообще не говорлива и сдержанна.

– Дай посмотреть на себя, – сказал Беляев, подходя к ней. – Ничего. Ничего. Похудела немножко. И прическа другая, глаже. Еще больше на Алешу стала походить.

Люся усмехнулась. Она была красива, гораздо красивее Алеша, хотя, действительно, в их лицах было что-то общее. Всякий скорее принял бы ее за сестру Новикова, чем Беляева. Узкое, смуглое лицо, все черты – узкие и прямые; маленький рот; только глаза у нее были другие, светло-серые и прозрачные. Темные волнистые волосы, не очень густые, ложились ровно вдоль худеньких щек.

Принесли большой мутный самовар и стаканы.

– Я буду хозяйничать, вы – гостья, – сказал Новиков и ловко стал распоряжаться с чаем, от которого, впрочем, отвык за границей.

Федор Анатольевич сел рядом с сестрой и не спускал с нее пристального и доброго взгляда.

– Как же ты живешь, Люся? – спросил он серьезно. – Отчего не пришла утром?

– Я занята была до трех.

– Занята? Ты много работаешь? Хорошая у тебя мастерская?

– У меня нет мастерской.

– Как нет? Ты лепишь у себя?

– Ах, да нет! – сказала Люся устало, поднялась и прошла по комнате. Лицо у нее сделалось неприятное, застывшее. Потом она повернулась и произнесла с некоторым усилием веселости:

– Узнаю тебя! С первой минуты – допросы! Что, как, где... Впрочем, если бы не ты, допрос начал бы Алексей Иванович. Он уж совсем деловитый мечтатель. А на меня ваша деловитость дурно действует. Мне отраднo было идти к вам, хотелось поговорить о чем-то совсем ином, не о вас и не о себе, о далеком, о бесполезном... А вы...

– Люся, Бог с тобой! Не ты ли упрекала нас в том, что мы жизни не любим? И говоришь так, точно ты в театр шла, посмотреть на нас. Точно ты не наша, не мы же...

– Ну, все равно. Прости, – сказала Люся. – Ты знаешь, мне всегда было скучно говорить о себе. Но теперь, конечно, надо. Я ни о чем не писала. Простите, Алексей Иванович, дорогой, – и вам не писала. Словом – вот что: я бросила скульптуру.

– Ты? Нет, Люся, это вздор. Я не верю.

– Не верь, пожалуй. Однако это так.

– Можно узнать, почему? – спросил Новиков.

– Алексей Иванович, прошу вас, без иронии. Я ее не выношу. Я оставила искусство потому, что... во-первых... я бездарна...

– Давно вас стал занимать этот вопрос? – сказал опять Новиков.

Но Люся продолжала, не слушая:

– Я бездарна, – по всем вероятностям; я жила странно, жила «мимо» жизни, – понимаете? Углубленная в себя, только с собой да с вами, не видя, как живут и страдают рядом другие; а их так много! И страдают они просто, и помогать им нужно просто, сейчас, сию минуту, чем можешь, реально... Нужны ли им мои, может быть еще бездарные, статуи? А кое-что другое от меня им нужно. И лучше понять это вовремя, лучше пойти в чернорабочие, делать, что можешь, чем упиваться мечтами и любоваться своими произведениями... искусства. Я женщина – и я не глупа. Мне нужен был внутренний толчок, чтобы понять, где мое место. И я поняла, что мое место – черная, упорная, простая работа в жизни, а не заоблачные мечтанья в искусстве.

Она перевела дух. Федор Анатольевич глядел на нее в изумлении. Новиков встал.

– Это, конечно, приговор и нам, Елена Анатольевна, – сказал он. – То есть, вы думаете, что это и наш приговор.

– Постой, постой, Алеша, – вмешался Беляев. – Мы отвыкли друг от друга, мы не понимаем, мало знаем... Люся, девочка моя дорогая, ведь мы любим тебя, расскажи нам по-

просту, что случилось, что ты делаешь, как живешь. Мы рады понять тебя. Разве не веришь, что я люблю тебя, сестренка? Вся ты мне мила, ручки твои узкие люблю, и ресницы, и черный завиток около уха... Ты сердишься?

Люся побледнела и улыбнулась. Помолчав, она проговорила виновато:

– Да, конечно, мы отвыкли друг от друга. Я вас понимаю, но захотите ли вы меня понять? А рассказывать почти нечего...

Она рассказала, немногословно и почти сухо, что живет там же, с матерью покойного мужа, с его сестрой и братом, Антоном Семеновичем Меньшиным. Антон Семенович, филолог, не остался при университете, а открыл не так давно школу, из которой думает впоследствии сделать образцовое учебное заведение, новое и живое. Тут же основан журнал для юношества, который ведется тоже Антоном Семеновичем.

– Журнал наш – очень интересное дело, широко поставленное. Для юношества, но, в сущности, он имеет общеобразовательный характер. Разве все наше общество не юно?

– Ты говоришь – «наш» журнал, Люся, – перебил ее Беляев. – Ты тоже там участвуешь?

– Приходится работать. Что могу. Иногда пишу заметки, роюсь в книгах. И Тоня пишет мало, он только ведет дело. В школе же я преподаю рисование. У меня только что был урок... Оттого я опоздала к вам немного.

Беляев глядел на Люсю и растерянно молчал. Наконец произнес неловко:

– Так ты много работаешь, моя девочка? Вот и похудела. Ну хорошо, хорошо...

Люся нетерпеливо усмехнулась.

– Ах, Боже мой, как это скучно! Федя, сделай милость, не смотри на меня такими глазами! Почему самые простые вещи тебе кажутся ужасными? Алексей Иванович в молчаливом негодовании... Знаете, тут есть какая-то изломанность. Вы негодуете – на что? Смешно сказать! Или не хорошо делать дело, которое нужно всем, важно, полезно и которое интересует?

– Нет, не то, – тихо произнес Новиков. – Мне только странно... Вы – и точно не вы.

– Плохо знали меня, вот и все! – и Люся поднялась, рассмеявшись. – До свиданья, мне пора. Приходите вечером оба ко мне. Я сегодня свободнее.

– Люся, постой, – сказал Беляев. – Постой, скажи: ну, а то дело, наше, о котором мы вместе, втроем, думали, – оно разве не «всем нужное»? И не самое первое, не прежде всех дел, не самое всем нужное? Помнишь, мы...

– Ах, помню, помню! Ради Бога, Федя! Потом поговорим! И постараемся понять друг друга. Потом, пожалуйста!

У нее сжались губы, лицо побледнело. Беляев замолк. Когда друзья остались одни, Федор Анатольевич робко посмотрел на Алексея.

– Что это? – произнес он. – Мне все кажется, что я с ума сошел. Право, мы с тобой сумасшедшие. Я в нее – вижу теперь – больше, чем в себя и тебя, верил. И верю. Как же так?

– Не знаю, что тебе сказать, друг, – отозвался Новиков. – Подожди. Узнаем. Посмотрим.

III

Беляев и Новиков нашли себе квартиру на тихой Кирочной улице, три громадные, пустоватые комнаты с длинными окнами, в первом этаже. Всякими практическими делами заведовал Алексей Иванович. Хотя и у него нередко выходила путаница, но так уж повелось, что и квартиры нанимал, и деньгами общими распоряжался именно Алексей Иванович.

Теперь же, после свидания с сестрой и неожиданного разговора – Беляев совсем растерялся. Он рассчитывал, что в Петербурге они поселятся вместе, как жили за границей, до весны, – а потом поедут вместе в N, работать. Новиков отнесся к делу мирно.

– Зачем тревожить Елену Анатольевну? Там, к весне, все определится. Пока же станем работать, у меня столько эскизов неконченных.хлопоты предстоят: ведь очень бы хотелось, чтобы нам действительно поручили какие-нибудь работы по восстановлению N-ского собора. Можно, конечно, и так поехать, да и не только в N, но лучше бы взглянуть на дело ближе, серьезнее. Нам такая школа нужна.

Алексей Иванович кончил петербургскую Академию и сохранил кое-какие связи. Он принялся хлопотать. Беляев засел за довольно скучные проекты и планы – парижский заказ, который надо было кончить к весне.

Вечерами друзья сидели одни. Люся приходила редко и

после того первого раза она точно избегала разговоров по душе. Так все и лежало между ними невыясненным, непонятным. Бывали друзья и у нее; но там, в редакции, теснилось столько народу, что и вовсе разговаривать было нельзя.

В один темный и мокрый вечер, уже в феврале Беляев предложил Алексею Ивановичу навестить Люсю.

– Целую неделю не видались. Здорова ли?

В редакции все было совершенно как всегда. Громадная, низковатая и темноватая комната; посередине – длинный чайный стол. Квартира была большая, но сидели всегда в первой комнате. Народ приходил и уходил. Худые, пожилые дамы в черных платьях, молодые субъекты в тужурках с кожаными поясами, критики, профессор, преподаватели...

Алексей Иванович и Беляев сели на конце стола, около Мери, которая разливала чай. Мери была молоденькая, черномазая курсистка, сестра Антона Семеновича Меньшина, директора и основателя школы, редактора юношеского журнала.

Молодой, веселый и уверенный голос Меньшина еще раздавался в соседней комнате; через минуту он вошел в столовую, шумно поздоровался с Беляевым и Алексеем Ивановичем и сел на свое место, рядом с Люсей, на другом конце стола.

На Меньшина отрадно было смотреть. Живой, молодой, весь какой-то внутренне упругий, без тени сомнения в правильности всего, что он делал, каждого своего движения или

слова, – он казался успокоительным и совершенным. Мыслей у него, вероятно, и не было никаких, потому что они естественно и тотчас же претворялись в действия. Если он говорил о том, что нужно сделать, то выходило всякий раз, что это уже и делалось. Возражения он выслушивал, но вряд ли их слышал, да ему редко кто и возражал: несогласные с ним от него отставали, вероятно, – потому что несогласных около него не было. Да и как-то тянуло быть с ним согласным, не думать, а делать то, что он, с такой ясной уверенностью, делал. Его любила самая строптивая молодежь, хотя он далеко не был «крайним», – ведь «крайность» невоплотима, а все убеждения Меньшина беспрерывно выливались у него в соответственные жизненные формы. И это было хорошо, и успокаивало, и давало отраду.

И наружность Антона Семеновича была соответственная. Он отнюдь не походил на мрачных, непричесанных и грубых «честных деятелей» прошлого столетия. Это была совсем новая «светлая личность». Здоровое, приятное, широкое лицо, бритое, как у актера, волна золотистых волос надо лбом, уверенная складка детски припухлых губ, – и такой весь крепкий, хороший, вымытый, веселый. От бодрости его и другим становилось весело. Он казался немного избалованным, да его, вероятно, и баловали, нехотя. Одна Люся говорила с ним немного капризным тоном.

Тотчас же он стал рассказывать что-то интересное о школе, о том, как приезжал попечитель. Говорил громко, гром-

ко смеялся. Все слушали во внимательном молчании. Вдруг Меньший перебил себя.

– Люся, а ты сделала, что я просил? Исправила заметку?

– Я?.. Вот Тихон Иванович сделает...

Тихон Иванович Лосев, милый человек с бородкой, худощавый и синеглазый, внимательнее и благоговейнее других смотревший на Люсю и Меньшина, вдруг вспыхнул:

– А что же вы сами, Елена Анатольевна? Это странно. Я готов, – но ведь я не сумею...

– Ничего, она сделает завтра, – спокойно сказал Меньший. – А вы, Тихон Иванович, завтра лучше за образцами съездите.

Мери, полускрытая самоваром, тихонько сказала Беляеву.

– Знаете, Люся удивительная помощница Тоне! Мы ее браним, что она ленится, а, в сущности, они двое только и работают. Тоня – по натуре инициатор, у него все кипит, но помощники и ему нужны.

Алексей Иванович услышал и сказал, тоже не громко:

– Я давно знаю Елену Анатольевну и никогда не подозревал в ней педагогических способностей.

Мери улыбнулась.

– Да и мы сначала не подозревали. Она приехала из-за границы совсем другая. Тоня, да и мы все смотрели на нее иначе – художница, скульптор... Что-то чуждое. А потом настоящее дело ее захватило. Мы очень рады за нее.

– И я рад, если она довольна, – проговорил Беляев. Мери

опять усмехнулась.

– Ну, вы-то не рады, – сказала она не без лукавства. – Я знаю, вы и ваш приятель осуждаете ее за то, что она бросила свою скульптуру. Вы – художники, мечтатели, для вас выше искусства ничего нет. На практическое дело вы всегда будете смотреть с некоторым презрением.

Алексей Иванович сказал с серьезной искренностью:

– Нет, Марья Семеновна, дело ваше, и школа, и журнал – хорошее дело. Да вопрос не в этом... Скажите, вы видели какие-нибудь скульптурные работы Елены Анатольевны?

– Видела... что-то такое.

Разговор их стал громче. Люся к нему уже давно прислушивалась. Меньший тоже повернул голову и спросил:

– О чем это вы рассуждаете? Алексей Иванович взглянул на него.

– А вот, о том, что всякое хорошее дело – хорошо. Ужасно мне и Федору Анатольевичу ваше дело нравится.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.